

А.В. Манин-Уралец

A man and a woman in traditional Russian folk costumes are standing in a field. The man is wearing a blue shirt and a black hat with a red band, and the woman is wearing a blue dress with a white headscarf and a floral patterned blouse. They are both holding buckets and a wooden tray. The background shows a landscape with hills and a body of water.

**Казачьи
песни.
Надейся.
Сборник 2**

А.В. Манин-Уралец

**Казачьи песни.
Надейся. Сборник 2**

«Автор»

2026

Манин-Уралец А.

Казачьи песни. Надейся. Сборник 2 / А. Манин-Уралец —
«Автор», 2026

Казачьи песни «Надейся» - 2-й сборник, созданный в 2015 году в рамках деятельности Академии истории и культуры русского казачества России. В нем использованы стихи, вошедшие в эпическую поэму автора «Казачий Дон».

Содержание

Надейся	5
Однорукий герой	6
Суд майдана	8
Печальная фуражка	10
Хата	12
Свадьба	14
С победой	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

А.В. Манин-Уралец

Казачьи песни. Надейся. Сборник 2

Надейся

Шаровары, алые лампасы,
И чекмень задирист на боку,
Не реви, казачка, ты напрасно,
Не стреножишь горе на скаку.
Надо пережить хотя бы время,
Нет вестей, кто ж участь пронесет?
Ноги казака увязли в стремя -
Может, еще конь его спасет.

*Ноги казака увязли в стремя -
Может, еще конь его спасет.*

Шаровары синие, лампасы,
И чекмень задирист казака.
Не убей, казачка, жизнь напрасно:
Качество погубишь молока.
Встрял твой муж в картечь и, может, ранен.
Что картечь? Не шашка! Вдруг живой!
Да и конь таков, что протаранит
Грудью даже всполох огневой!
И тогда достанется погибель
Только лишь коню, не казаку,
Ну, а прежде, чем из строя выбыть,
Тот еще помашет на скаку.

*Ну, а прежде, чем из строя выбыть,
Тот еще помашет на скаку.*

Провожала ты на подвиг, знала,
Может, и в последний видишь раз,
И живот с ребенком показала,
Слезы лились искренне из глаз.
Стременную чарочку он принял,
Плеточкой огрел, хоть кое-как,
Может, и придет из тьмы полынной
Твой задорный молодой казак...

*Может, и придет из тьмы полынной
Твой задорный молодой казак...*

Однорукий герой

Фуражка с околышем твердым над бровью.
Казак у крыльца с юной девой шутил,
Ушел он за Дон и пролил своей крови
Настолько, что выжил, но без руки жил.
Рукою он гладит за плечи казачку,
Она ему верной все время была,
Душа золотая, но в ней криком плачет
Вся юность ее, что объятий ждала.

*Душа золотая, но в ней криком плачет
Вся юность ее, что объятий ждала.*

Она улыбается, слезы глотает,
Он все понимает: разнятся пути,
Но тот, кто в казачьей любви понимает,
Тот знает: от первой любви не уйти.
Но все же, он держит себя хулиганом,
Ее веселит, будто в обе руки.
А ночью он выпьет стакан закурганной,
Где вдов и забытых возьмет у реки.

*А ночью он выпьет стакан закурганной,
Где вдов и забытых возьмет у реки.*

Какие уж тут переглядки и мерки,
Руки нет, какой же ты в жизни казак?
Казак погуляет с соседкой-жалмеркой,
И нет больше шляха вернуться назад.
Стоят у плетней и судачат казачки,
Все знают они про его маяту,
Был бравый он парубок, многое значил,
Но он без руки, и несчастный он тут.

*Был бравый он парубок, многое значил,
Но он без руки, и несчастный он тут.*

Ну, думай, молодка, погубишь ли просто,
А, может, решишься отдать себя в плен -
Иди и стели целомудренно простынь,
Но утром не встанешь уж с этих колен.
Ой, мать моя милая, что же ей делать:
Казак еще ждет и плечо ее мнет?!
Она вся горит, кубыть он ее смело,
Как будто взаправду женатый, берет.

Она вся горит, кубыть он ее смело,

Как будто взаправду женатый, берет.

Фуражка с околышем твердым над бровью,
Казак у крыльца с юной девой шутил...
Ну, слава Господня: свершилось любовью -
Казак своей славой ее заслужил!

И «Любо!» - станичники вторят той паре,
И «Любо!» - той паре несут Небеса,
Прощайте жалмерки в деревне Татаре,
И здравствуй казачья – на веки – весна!

*Прощайте жалмерки в деревне Татаре,
И здравствуй казачья – на веки – весна!*

Суд майдана

Куль на голову, утопим!
Пусть и тут наш Дон решит!
Что удумал: коня пропил,
Как цыган, его стащил.
И гудит майдан станичный –
Пусть решим, как скажет мать!
Этот случай единичный?
На Дону? Да как сказать!

*Этот случай единичный?
На Дону? Да как сказать!*

Мать лишала сына жизни:
«Не таскайся, словно вор!»
Мать в слезах да в укоризне.
На майдане полный сбор.
Куль на голову и в воду! –
Так решил майдан, как есть,
Здесь казачьему народу
Дорога казачья честь!

*Здесь казачьему народу
Дорога казачья честь!*

Обошлось же лишь нагайкой:
Пожалели молодца;
На спине его лужайка
Вспахана, да в три рубца.
Били тридцать раз по десять
На рубец. Рыдала мать.
На майдане не надейся
Наказанья избежать.

*На майдане не надейся
Наказанья избежать.*

А потом в войне германской
Заслужил он три креста.
Вывел из-под битвы адской
Сто коней, героем стал.
И еще он генералу
Уступил коня в бою;
И храбрец был, каких мало,
Жизнь не жаловал свою.

И храбрец был, каких мало,

Жизнь не жаловал свою.

А потом ушел в подполье
И цыганский табор спас.
Но однажды ему в поле
Пробил и последний час.
Привезли героя в хутор,
Вся станица собралась,
Есаул казался хмурым,
Только речь не задалась,
Слезы навернулись скоро,
Прятал их он кое-как.
Вот такое вот, донское.
Вот такой вот, жил казак...

*Вот такое вот, донское.
Вот такой вот, жил казак...*

Печальная фуражка

Восход печален, и он плачет,
Заря, как красный океан.
Несут фуражечку казачке,
И, значит, где-то казак сам.
А он лежит в зеленом поле,
Там, куда шлях идет весь день,
А сердце молодое стонет,
Закрыт для воина плетень.

*А сердце молодое стонет,
Закрыт для воина плетень.*

Ой, распахните дорогие,
Казачьи вестники беды!
Пусть казаки все молодые
Не ощутят той лебеды!
И пусть их козырьки фуражек
В красном углу не заблестят,
Там, где над плоской пламя кажет,
Как помнит Бог свое дитя!

*Там, где над плоской пламя кажет,
Как помнит Бог свое дитя!*

О, покажите ту фуражку,
О, дайте мне в нее взглянуть,
Там вшитый Бог творит отмашку -
В молитве доброй: «В добрый путь!»
А добрый путь в казачьей славе –
В бою товарища прикрыть
И первым с шашкой в конной лаве,
Врага постылого рубить.

*И первым с шашкой в конной лаве,
Врага постылого рубить.*

И в добрый путь – то значит слову
Быть верным, в споре верным быть,
Фуражку сбить чертоголову,
Или свою об землю бить:
И, значит, нет пути обратно,
Под сапогами кровь в траве;
Но этот спор тут, может, с братом;
Там - ятаган по голове.

Но этот спор тут, может, с братом;

Там - ятаган по голове.

Восход печален и ужасен,
Совсем, как кровь, все пеленой.
А поставец он хмелем красен,
А горе красно стороной.
Помянем казака! Фуражка
В красном углу, как брат, глядит
На все: на земляков и бражку;
Казак все видит и молчит.

*На все: на земляков и бражку;
Казак все видит и молчит.*

Кровав околышек заката.
А в дом идут, идут друзья.
Вдова накрыла вдовью скатерть,
Казак молчит: «Да вот же я!»
Но скоро в господу в объятья,
Душа отбудет казака,
Ну, вот и «Любо!», мои братья,
Любовь отныне далека.

*Ну, вот и «Любо!», мои братья,
Любовь отныне далека.*

Хата

Курень свой заложил казацкий
Казак с казачкой молодой,
Фундамент каменный по-братски
Им в хате сладили гурьбой.
Он печь поставил с изразцами,
Чтоб деткам было веселей,
И сделал угол с поставцами,
Чтоб было любо, да хмельней.

*И сделал угол с поставцами,
Чтоб было любо, да хмельней.*

Буфет поставил он, и фикус
Поставил прямо у окна,
И сладил у гардин он прикус,
И шторы сладила жена.
Узором ставни разукрасил,
И засвистели соловьи.
Первач казак в бадье заквасил,
Неси, Дон, радости свои!

*Первач казак в бадье заквасил,
Неси, Дон, радости свои!*

О, Дон ты, батюшка родимый,
Не седоком к тебе зайду,
Пусть конь потряхивает гривой,
Пусть отдохнет, пока живу.
А там сыграют сбор, и всполох
И лава – все уже в догон,
Картечь кругом и дымный порох,
Любовь и колокольный звон.

*Картечь кругом и дымный порох,
Любовь и колокольный звон.*

Ну что, подыубошник готов хоть -
Все ль с кружевом, али ишо?
А то ведь хочется мне охать,
Ведь вместе охать хорошо!
Отложь шитье ты и вязанье,
В карпетки сложи и кружева,
Ведь ждаться сплошное наказание:
Жена ты мне, аль не жена?!

Ведь ждаться сплошное наказание:

Жена ты мне, аль не жена?!

Ведь хата сложена – дай, Боже!
Я в этой хате не ведметь,
Амором скатимся мы в ложе,
И в этом ложе умереть.
Ведь лучше здесь, чем в волчьем грае,
И пошикуем от души,
Откеда счастье нам мы знаем,
Откеда смерть – ее ищи!

*Откеда счастье нам мы знаем,
Откеда смерть – ее ищи!*

Казак не может жить лишь в хате,
Ить батька-Дон лишь славой жив.
А шторы свет не закрывайте,
Пусть ночь любовью ворожит.
И не пускайте в хату силы,
Чтоб помешать родить детей.
Курень зачат наш. Отпустило.
И жить на свете веселей!

*Курень зачат наш. Отпустило.
И жить на свете веселей!*

Свадьба

Сосед свою лупцует бабу,
И баба бросилась к окну:
Глядят, играют люди свадьбу.
Все проворонишь! Ну и ну!
Идет к венцу невеста сладка,
Фата на ней, как млечный путь,
Шуршат чадунюшки украдкой,
Друг другу тычут в мягку грудь:

«Гляди, чадунюшка, в окно-то,
Вот уж потеха – сор в избе,
Его в окошко сунул кто-то,
У кого каша в голове!»
Смеются девки и товарки,
Отвлечь и зависть и позор:
Что взор невесты слишком жаркий,
А их притушен яркий взор.

А их притушен яркий взор.

Невеста, как свеча горела -
Бела вся таяла свеча:
Еще не знала его тела,
А уже - свечка горяча.
Да, на Дону, сердца горячи,
И зависть к Дону у чужих,
Здесь в мире лучшие казачки.
И кочетом шагал жених.

И кочетом шагал жених.

Все, увидал казак свой финиш:
Коротка баловня стезя.
С бесстыжих плеч зипун не скинешь
Любви сторонней: все, нельзя!
Бери быков: «Цоб! Цоб!..» и в поле,
И глубже плуг, родит земля.
Среди степи белеет взгорье,
Витают память в ковылях.

Витают память в ковылях.

Жених в окошко мельком глянул,
Жених вздохнул по бабе той,
А муж от взгляда не отпрянул,
На жениха с невестой злой.

Им, что, своей не хватит доли?
Зачем семью его зорить?
Окно закрыли эти двое,
И-ну судьбу свою корить.

И-ну судьбу свою корить.

«Ну, будет, хватит, набодались,
Пушай он первая любовь,
Хоть хорошо – лишь целовались,
А то бы испоганил в кровь!..
Давай-ка, собирайся к людям,
Станица вся, как улей, здесь,
С кострицы счистили, и будет,
С любовью в ней един помес:

С любовью в ней един помес:

Что конопля, что баба в думах,
Одно мутится в голове,
И сгондоби подарок куму,
Давно не звал его к себе!
А кони ряженные скачут,
А долог колокольный звон,
Невеста радости не прячет,
И жених тоже: счастлив он.

И жених тоже: счастлив он.

Окно закрыто и забыто,
И все ушло в белым-бело,
Там, где в степи в сердцах разбитых
Что было прежде - отцвело.

Что было прежде - отцвело.

С победой

Темляк на ветке, дуб смиренно
Дал казаку побрить лицо,
Казак клинок точил степенно,
Обзор зеркальный, как кольцо,
По краю света луч играет,
В глазах по злему огоньку:
Казак степенно остывает.
Жизнью обязан он клинку.

Казак степенно остывает.
Жизнью обязан он клинку.

Была здесь сеча роковая,
На самом берегу реки:
А Дон как закипел у края,
Где крепко бились казаки.
И лес придвинулся дубовый,
Чтоб дать покоя, кто был жив.
А взгляд в глазах еще суровый
И для любви не годен, лжив.

А взгляд в глазах еще суровый
И для любви не годен, лжив.

А в курене сейчас красава,
Просыпав птицам таз пшена,
Посмотрит на закат кровавый,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.